12+

Дмитрий Иванов

# Тень на рассвете

Дмитрий Иванов

# Тень на рассвете

«Издательские решения»

**Иванов Д.**

Тень на рассвете / Д. Иванов — «Издательские решения»,

Целительница Лира не верила в сказки — пока не заключила брак с принцем Подземья. Каэль проклят: каждый рассвет он теряет себя, а тень, запертая в нём, рвётся наружу. Лира может спасти его — но цена окажется выше, чем она готова заплатить. Ей придётся выбрать между любовью и целым миром.

© Иванов Д.
© Издательские решения

# Содержание

Глава 1. Рассвет над Приграничьем 6
— М? 8
Глава 2. Незнакомец у колодца 10
— М? 13
Глава 3. Курган 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

# Тень на рассвете

## Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-6154-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Глава 1. Рассвет над Приграничьем

Болото дышало.

Лира всегда чувствовала это раньше, чем видела: сначала — влажный, тяжёлый выдох тумана, потом — запах тины и болотной мяты, и только потом из белой мглы проступали чёрные коряги, похожие на скрюченные пальцы. Она стояла по колено в холодной воде уже третий час, и ноги онемели так, что казались чужими. Но это было неважно. Важно было собрать мяту до восхода, пока роса не смыла с листьев всё, что делает её лекарством, а не просто травой.

— Ещё немного, — прошептала Лира, хотя говорила не с кем-то, а с собственными руками. — Ну же.

Пальцы, красные от холода, осторожно срывали листья и складывали в холщовую сумку, висевшую на плече. Она знала это болото с шести лет — знала каждую кочку, каждую обманчивую прогалину, каждый участок, где под слоем ряски прячется яма. Её учила бабушка. Бабушка учила её всему: какие травы от лихорадки, какие от боли, какие — от тоски, от которой у людей иногда останавливается сердце. Бабушка говорила: «Ты не просто лекарь, Лира. Ты — тот, кто чувствует. Это дар, и это проклятие, и от тебя зависит, чем оно станет».

Лира тогда не понимала. Ей было шесть. Она просто взяла бабушку за руку, когда та лежала на своей постели, серая и далёкая, — и вдруг почувствовала, как боль переливается из бабушкиных пальцев в её собственные, как холодная вода через край чашки. Бабушка тогда открыла глаза и улыбнулась: «Вот теперь я вижу, какая ты». А Лира неделю не могла ходить — ноги не слушались, будто чужие. Мать плакала и ругалась, а бабушка только гладила её по голове и повторяла: «Ничего. Научится. Дар — как нож: пока не научишься держать, режешься сама».

Бабушка прожила ещё три дня. Лира до сих пор не знала, помогло ли это, или просто дало время попрощаться.

— Лира! Лира, ты где?

Голос вдовы Мэрты разнёсся над болотом, как вспугнутая птица. Лира вздохнула, выпрямилась и помахала рукой:

— Здесь! У третьей ивы!

Вдова Мэрта появилась из тумана — крупная, красная, в платке, повязанном так туго, что лицо казалось варёным. Она несла козу. Точнее, коза несла себя сама, но выглядела так, будто её несли: белая, с безумными жёлтыми глазами, она волочила заднюю ногу и при каждом шаге издавала звук, похожий на скрип несмазанной телеги.

— Она в заборе застряла, — объявила вдова. — И бельё съела. Всё бельё, Лира! Я теперь неделю буду ходить в чём мать родила!

— Не будете, — Лира выбралась на берег, вытирая руки о передник. — Я вам новое пошью. Из старого.

— Из чего это, интересно?

— Из вашего же. Вы же бельё не выбросили?

Вдова открыла рот, потом закрыла. Коза тем временем попыталась съесть сумку Лиры.

— Стой, дура! — Лира присела, взяла козью ногу в ладони и закрыла глаза. Боль пришла сразу: тупая, горячая, с вывихом внутри, как будто в сустав вставили раскалённый гвоздь. Лира выдохнула, «потянула» — и вправила ногу одним движением, привычным, как дыхание.

Коза взвизгнула, лягнулась и встала на все четыре.

— Ох ты ж, — выдохнула вдова. — Всё?

— Всё. Только не давайте ей больше к забору подходить. И бельё сушите выше.

— Ага, — вдова смотрела на неё с той смесью благодарности и опаски, к которой Лира привыкла с детства. — Спасибо, милая. На вот, — она сунула ей в руку три яйца, завёрнутых в тряпицу. — И… ты это… не ходи сегодня на пустошь.

— Почему?

Вдова оглянулась, будто за спиной у неё стоял кто-то. Болото молчало.

— Огни там. Ночью. Я сама видела — три огня, как свечи, и ходят. И овцы пропадают. Ты бы поостереглась, Лира. Ты девка хорошая, но неугомонная. А любопытство до добра не доводит.

— Не доводит, — согласилась Лира. — Но и скука тоже.

Вдова хмыкнула и ушла, волоча козу за верёвку. Коза шла на четырёх ногах и выглядела очень довольной собой.

Дом стоял на краю деревни, у самой опушки, — маленький, кривой, с крышей, которую Лира латала каждую осень, клянясь, что следующей осенью точно перекроет. Тэм сидел на крыльце и чинил сеть. Ему было четырнадцать, он был длинным и угловатым, как журавль, и у него были руки, которые всё время что-то делали: чинили, строгали, крутили, жевали травинку. Увидев сестру, он поднял голову и ухмыльнулся:

— Ты опять в болоте купалась?

— Я опять на болоте работала. Есть разница.

— Обе мокрые.

Лира прошла мимо, взъерошив ему волосы. Тэм фыркнул и отстранился, но было видно, что ему приятно.

В доме пахло дымом и сушёными травами. Лира развесила мяту под потолком и села к очагу, грея руки. Тэм вошёл следом, всё ещё держа сеть, и уселся на лавку напротив.

— Лира.

## — М?

— Я тебе кое-что нашёл.

Он полез в карман и вытащил что-то, завёрнутое в тряпку. Лира развернула — и на минуту перестала дышать.

Камень был чёрный, гладкий, размером с ладонь, и по нему вилась гравировка — тонкие, ветвящиеся линии, похожие на корни дерева или на вены. Он был тёплым. Не как нагретый на солнце камень, а как живая кожа.

— Тэм, — сказала Лира очень спокойно. — Где ты это взял?

— На кургане, — сказал он, и в его голосе не было ни капли вины. — Там красиво блестело. Я думал, тебе понравится.

— На кургане.

— Ну да. А что?

Лира посмотрела на брата. Потом на камень. Потом снова на брата.

— На курган нельзя ходить, — сказала она. — Это старое место. Там ничего нельзя брать. Никогда. Это же… все знают.

— Все знают, что нельзя, а никто не знает, почему, — резонно заметил Тэм. — Может, это просто бабкины сказки. Лира, ну что ты как…

— Тэм.

Она сказала это так, что он замолчал. Лира взяла камень в руки — и метка на её ладони, та самая, тонкая, как вена, вспыхнула. Всего на миг. Лира посмотрела на неё, потом на камень, и в груди что-то сжалось, холодное и предчувственное.

— Я отнесу его обратно, — сказала она. — Завтра. Сам. И ты со мной не пойдёшь.

— Ладно, ладно, — Тэм поднял руки. — Я же не знал.

Он не знал. Лира это знала. Он был ребёнком — ну, почти ребёнком, — и он хотел сделать ей приятно. Она взъерошила ему волосы ещё раз и спрятала камень в шкатулку на полке. Шкатулка была старой, с потёртой крышкой, и в ней лежали бабушкины бусы, мамина брошь и теперь — этот камень. Лира закрыла крышку и постаралась забыть о нём.

Вечером у колодца собралась вся деревня. Кто-то чинил колесо, кто-то нёс воду, кто-то просто стоял и смотрел, как солнце падает за лес. Лира пришла с ведром, и почти сразу рядом оказался Гарт.

Гарт был кузнецом. У него были огромные руки, борода и глаза, как у собаки, которая очень хочет, чтобы её погладили, но боится, что прогонят. Он уже год как заходил к ней «просто так», и Лира знала, что он хочет сказать, ещё до того, как он открывал рот.

— Лира, — сказал он, беря у неё ведро. — Дай помогу.

— Спасибо.

Они пошли вместе. Гарт молчал, потом сказал:

— Слышала про овец?

— Слышала.

— И про огни?

— Слышала.

— И что… — он замялся, — что думаешь?

Лира остановилась. Колодец остался позади, они стояли у забора, и над ними висело низкое, красное от заката небо.

— Думаю, что люди любят страшные истории, — сказала она. — Особенно осенью.

— А если это не истории?

— Тогда я буду лечить тех, кого это коснётся, — Лира пожала плечами. — Это всё, что я умею. Лечить.

Гарт помолчал.

— Я хотел спросить, — наконец сказал он. — Я давно хотел спросить. Ты… ты не хочешь выйти за меня? По-нормальному. Чтобы дом, хозяйство. Я не прошу любить, — добавил он быстро, — я знаю, что ты… я просто прошу, чтобы у тебя был дом. И защита. И…

— Гарт, — мягко сказала Лира. — Ты хороший.

Он вздрогнул.

— Я знаю, чем заканчивается «ты хороший».

— Нет, — она положила руку ему на плечо и тут же отдёрнула, потому что почувствовала, как от его плеча к её пальцам перетекает боль: старую, мозольную, тоскливую. — Я не могу. Не потому что ты плохой. А потому что я буду чувствовать тебя каждую ночь. Каждую ночь, Гарт. И каждый раз, когда тебе будет больно, я буду просыпаться. Это не жизнь. Это…

— Это я, — сказал он тихо.

— Это ты. И я. И я не хочу врать тебе.

Гарт кивнул. Взял ведро, поднял его на плечо — легко, как пушинку, — и пошёл к дому. Лира смотрела ему вслед и чувствовала себя последней дрянью. Но врать было бы хуже.

Ночью ей приснился сон.

Женщина стояла в темноте. На ней было чёрное платье, в волосах — миртовая ветвь. У неё было лицо, которое Лира никогда не видела и при этом как будто знала всю жизнь.

— Невеста, — сказала женщина. Голос у неё был как вода в колодце — глубокий и очень далёкий. — Ты опоздала.

— Опоздала куда? — спросила Лира.

Женщина улыбнулась. Улыбка была не злая, скорее — печальная.

— На свою свадьбу, — сказала она. — Ты опоздала на двести лет.

Лира проснулась от холода. Одеяло сползло, в комнате было темно, только светились угли в очаге. Она села, натянула одеяло на плечи — и в этот момент поняла, что в комнате есть кто-то ещё.

Он стоял у окна. Высокий, в тёмном, и его глаза были такие чёрные, что казались двумя провалами в белом лице. Лира не закричала. Она хотела закричать, но горло перехватило, и она просто смотрела, как он поднимает руку.

— Ты опоздала на нашу свадьбу на двести лет, — сказал он. — Я устал ждать.

Лира зажгла свечу.

В комнате никого не было. Окно было закрыто. На полу не осталось следов. Только занавеска на окне чуть покачивалась — а может, это был сквозняк.

Лира просидела до утра, глядя на огонь. Она не верила в привидения. Но у неё на ладони всё ещё горела метка, и что-то подсказывало ей, что с этой ночи её жизнь больше не будет прежней.

# Глава 2. Незнакомец у колодца

Утро выдалось серым и тихим. Лира вышла из дома, когда туман ещё лежал на деревне, и первым делом обошла дом — вокруг, по всем сторонам. Снега не было, но под окнами она нашла несколько примятых травинок. Следов не было. Ни отпечатков обуви, ни потревоженной земли. Будто кто-то стоял здесь, не касаясь земли.

Или будто никого и не было.

— Привиделось, — сказала Лира вслух. — Просто сон. Просто камень. Просто глупости.

Она сказала это и сама себе не поверила. Но надо было жить дальше.

Жить дальше означало чинить забор, сушить травы и идти к мельничихе, у которой третьи сутки не начинались роды. Лира пришла к обеду — и сразу поняла: плохо. Очень плохо.

Мельничиха лежала на постели, серая от пота, и повитуха — тётка Дарья, опытная, но уже немолодая — металась вокруг неё, как испуганная курица.

— Лира, слава богам, — выдохнула Дарья. — Не идёт. Ни в какую. Слышу, что живой, а не идёт.

Лира опустилась на колени у постели и взяла роженицу за руку. Боль хлынула в неё сразу — огромная, горячая, сдавленная, как будто её саму стиснуло изнутри. Лира стиснула зубы и «потянула». Не на себя — просто в сторону, в землю, куда она обычно сбрасывала чужую боль. Такая у неё была техника. Бабушка называла это «отдавать земле».

— Тише, тише, — говорила она, хотя не знала, кому: мельничихе или себе. — Сейчас. Сейчас мы вместе.

Час. Два. Лира уже не чувствовала ни рук, ни спины. В какой-то момент всё поплыло, и она на секунду потеряла сознание — просто пришла в себя, сидя на полу, с мокрым от пота лицом. Но ребёнок закричал.

Мельничиха разрыдалась. Дарья суетилась с водой. Лира сидела на полу и смотрела, как новорождённый, красный и сморщенный, дрыгает ножками в руках повитухи, и чувствовала, как земля принимает чужую боль.

— Ведьма, — сказала Дарья тихо. — Ох, Лира. Ты же себя так угробишь.

— Я в порядке, — соврала Лира.

Домой она шла через деревню, и люди провожали её взглядами. Кто-то благодарно кивал, кто-то отводил глаза. Она привыкла. Лекарь и ведьма в деревне — это одна и та же женщина, просто в зависимости от того, кто говорит.

Тэм ждал её на крыльце.

— Ты знаешь, что я тебе камень с кургана принёс, — сказал он, вместо приветствия.

— Помню.

— Так вот. Я не просто так. Я хотел тебе сказать. — Он замялся. — Я не знал, что нельзя. Правда. Я думал, это просто бабкина страшилка.

— Тэм…

— Я хотел подарить тебе что-то красивое, — сказал он, и голос у него дрогнул. — Ты всё время лечишь кого-то. У тебя никогда нет ничего своего. Я подумал: будет камень. Красивый. Чтобы ты… ну… — он махнул рукой. — Чтобы у тебя было что-то, что не для других.

Лира смотрела на него и чувствовала, как в груди что-то сжимается. Она подошла и обняла его — крепко, неловко, потому что они никогда особенно не обнимались.

— Спасибо, — сказала она. — Только мы его отнесём. Завтра же.

— Ладно, — пробурчал Тэм ей в плечо.

Вечером староста собрал деревню у колодца. Лира пришла с Тэмом — и сразу поняла, что новости плохие. Мужики стояли хмурые, бабы теребили платки. Гарт был там же, у края толпы, и смотрел на Лиру.

— Овчарня, — сказал староста. — Ночью. Всё разорено. Ягнёнка нет. Собаки молчали, как мёртвые. И знак.

— Какой знак? — спросила Лира.

Староста повернул её — и Лира увидела на стене овчарни, на старых досках, свежие, будто процарапанные ножом, линии. Те же линии, что на камне. Корни. Вены.

— Вот, — сказал староста. — Кто-то ходит. Кто-то с той стороны.

Толпа загудела. Лира смотрела на знак и чувствовала, как метка на её ладони начинает теплеть.

Ночью она не спала. Взяла камень из шкатулки, завернула в тряпку и вышла из дома. Было тихо, звёзды висели низко и ярко, и деревня спала, как будто ничего не случилось. Лира шла через пустошь, по старой тропе, к кургану. Она сто раз говорила себе, что делает глупость. Она сто раз останавливалась. И шла дальше.

— Тэм не знал, — сказала она вслух, чтобы не было так тихо. — Он ребёнок. Он не знал. Я верну, и всё закончится.

Курган показался внезапно — тёмный, круглый, поросший бурьяном, в лунном свете похожий на огромную спину спящего зверя. Ветер на пустоши был сильнее, он нёс запах гари, хотя никакого огня не было видно.

У подножия кургана стоял человек.

Он был высокий, в тёмном плаще, и он не прятался. Он просто стоял и смотрел, как она подходит. Лира остановилась шагах в десяти.

— Ты, — сказала она.

— Я, — согласился он.

Он говорил спокойно, почти лениво, и у него был голос, который хотелось слушать, что Лира немедленно возненавидела.

— Зачем ты пришёл ко мне домой?

— Предупредить.

— Предупредить о чём?

Он кивнул на свёрток в её руках.

— О том, что ты не можешь вернуть камень. Он уже не твой. Он уже ничей. Но если ты попробуешь, будет хуже.

— Что значит «хуже»?

— Откроется дверь, — сказал он. — Та, которую лучше не открывать.

Лира смотрела на него. Луна светила ему в спину, и лицо было в тени, но она видела глаза. Чёрные. Как провалы.

— А ты, — сказала она. — Ты кто?

— Каэль, — сказал он. — Сборщик долгов.

— С юга.

— С юга, — повторил он, и на его лице что-то мелькнуло. Похоже на улыбку.

— Мне не нужны долги, — сказала Лира. — Мне нужно вернуть камень и забыть обо всём этом.

— Забыть не получится.

Она шагнула вперёд.

— Отойди.

— Не могу.

— Отойди!

— Лира.

Он произнёс её имя так, как будто знал его всю жизнь. Она замерла.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

И Лира почувствовала. Под ногами у неё земля была тёплой. Она дышала — так же, как болото, только глубже, тяжелее. И из-под земли, из кургана, шёл звук: низкий, ровный, как будто где-то в глубине билось сердце.

— Что это? — прошептала она.

— Это дверь, — сказал Каэль. — И она уже проснулась. Поэтому я здесь.

— Я не хотела, чтобы она просыпалась.

— Я знаю, — сказал он, и в его голосе была странная, неожиданная мягкость. — Поэтому я и пришёл.

Сзади хрустнул гравий. Лира обернулась — и увидела, как из темноты выходят ещё трое. В серых плащах, с капюшонами. Они двигались тихо, слишком тихо для людей, и у них не было лиц — только тени под капюшонами.

— Стойте, — сказал Каэль.

Они остановились. Но не сразу.

— Мы пришли за невестой, — сказал один из них. Голос был скрежещущий, как несмазанное колесо.

— Не сегодня, — сказал Каэль.

— Договор ждёт.

— Я сказал: не сегодня.

Лира почувствовала, как воздух вокруг него изменился. Стал тяжёлым. Каэль даже не двинулся — просто что-то в нём сдвинулось, как будто внутри у него открылась дверь. Трое в серых плащах попятились.

— До рассвета, целительница, — сказал Каэль, не оборачиваясь. — Иди домой. Запри дверь. И не выходи до утра.

Лира не помнила, как дошла до дома. Помнила только, что бежала почти всю дорогу. Помнила, что у неё в руках всё ещё был камень, а камень был тёплым.

Дома Тэм спал. Лира села на лавку и посмотрела на свою ладонь. Метка — тонкая чёрная ветка — потемнела и стала глубже, будто пустила корни.

— Тэм, — позвала она.

Он проснулся и сонно посмотрел на неё.

## — М?

— Почему у меня на ладони чёрная ветка?
Тэм прищурился, взял её руку, рассмотрел и сказал:
— Я думал, это ты сама нарисовала.

# Глава 3. Курган

— Нет, — сказала Лира. — Нет. Это не рисунок. Это не может быть рисунок. Тэм, посмотри внимательно.

Тэм посмотрел внимательно. Потом потёр метку пальцем. Потом попробовал ногтем. Метка не сходила.

— Может, это… — он замялся, — ну, кровь присохла? Как чернила из… чего-нибудь.

— Чернила из чего-нибудь, — повторила Лира. — Тэм.

— А что я должен сказать? — он вдруг испугался, по-настоящему испугался, и его голос стал детским. — Я не знаю, что это! Ты сама меня спрашиваешь, как будто я знаю!

Лира замолчала. Он был ребёнком. Он не знал.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Не бойся. Я разберусь.

Она сказала это так уверенно, как только могла. Внутри у неё всё сжималось.

День ушёл на попытки жить как раньше. Лира перебирала травы, сушила мяту, лечила старика с больной спиной, ссорилась с мельничихой из-за платы («Я тебе ребёнка с того света вытащила, а ты мне — два яйца?»), снова говорила с Гартом — коротко, сухо, и он уходил с таким лицом, будто его ударили.

Метка не болела. Это было хуже всего. Она просто была — как будто всегда была. Лира начала думать, что сходит с ума.

К вечеру она не выдержала. Завернула камень в тряпку, взяла нож, подоткнула юбку — и пошла на пустошь.

Каэль ждал у кургана. Он сидел на камне, как будто был частью пейзажа, и смотрел на неё без всякого удивления.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он.

— Естественно, — огрызнулась Лира. — Ты всё знаешь. Ты вообще кто? Демон? Дух? Вампир?

— Сборщик долгов.

— Прекрати это говорить.

Он поднял брови.

— Хорошо. Я — принц.

— Принц чего?

— Подземья.

Лира уставилась на него.

— Подземья.

— Да.

— Под землёй.

— Под землёй.

— И что, там… — Лира запнулась, — там люди?

— Не люди, — сказал Каэль. — Но и не звери. Существа. Мы живём в сумерках, у нас есть города, дворцы, сады. У нас есть законы. И есть договоры.

— Договоры с кем?

— С миром живых.

Он встал и подошёл к кургану. Лира невольно отступила на шаг.

— Двести лет назад, — сказал он, — был заключён договор. Подземье и мир живых должны были жить в мире. Договор скреплялся браком. Наследник Подземного двора должен был взять в жёны смертную — дитя рассвета, рождённую на рассвете, ту, что умеет чувствовать чужую боль.

Лира почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Невеста не пришла, — продолжал Каэль. — Она отказалась. Или не смогла. Или умерла — я до сих пор не знаю. Договор треснул. С тех пор тени прорываются в мир живых. Сначала это были мелочи — пропавшие овцы, странные сны. Потом хуже. Теперь — овчарни, люди. Дальше будет война.

— И ты хочешь, — медленно сказала Лира, — чтобы я стала этой невестой.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.